Л. РОССИ

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА М. Н. МУРАВЬЕВА

(Новые материалы)

Как известно, значительная часть литературного наследия Михаила Муравьева (1757—1807), а точнее, почти вся зрелая проза, связана с его педагогической деятельностью.[1] Кроме исторической повести «Оскольд», задуманной, по всей видимости, в конце 1793 г. как своеобразный вызов обществу, приковывающему писателя к придворным должностям,[2] все тексты, опубликованные в первом посмертном собрании муравьевских сочинений 1810 г., были написаны для обучения великих князей Александра и Константина Павловичей; то же самое можно сказать и о (прозаических!) произведениях, входящих в состав изданий 1815 и 1819—1820 гг.[3]

Большинство этих сочинений, а в особенности, вопреки утверждениям Карамзина,[4] почти все тексты, включенные в издание

---

[1] Как подчеркивает И. Ю. Фоменко, первые прозаические опыты автора восходят уже к 1770-м гг.: кроме опубликованных «Похвального слова Михаилу Васильевичу Ломоносову», «Рассуждения о различии слогов, высокого, великолепного, величественного, громкого, надутого» и «Дщиц для записывания» он написал и три повести из светской жизни. См.: *Фоменко И. Ю.* 1) М. Н. Муравьев и проблема индивидуального стиля // На путях к романтизму. Л., 1984. С. 53—56; 2) Из прозаического наследия М. Н. Муравьева // Рус. литература. 1981. № 3. С. 117—120; 3) Проза М. Н. Муравьева: Из истории русской прозы последней трети XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. С. 8.

[2] См.: ОПИ ГИМ, ф. 282, ед. хр. 287, л. 148—149. Муравьев был «кавалером» в. к. Константина и тяжко переносил необходимость часто дежурить во дворце.

[3] Обитатель предместия и Эмилиевы письма, сочинение М. Н. Муравьева. В Санкт-Петербурге. 1815; Полн. собр. сочинений Михаила Никитича Муравьева. СПб., 1819. Ч. 1, 2; 1820. Ч. 3. В этом издании исключение представляют лишь записки отдела «Мысли, замечания, отрывки», восходящие к ранним тетрадям Муравьева (*Фоменко И. Ю.* Проза М. Н. Муравьева. С. 60). Попытка И. Ю. Фоменко истолковать всю зрелую прозу автора независимо от ее педагогического назначения нам кажется неубедительной (*Фоменко И. Ю.* Из прозаического наследия М. Н. Муравьева. С. 121—130).

[4] *Карамзин Н. М.* От Издателей // Опыты истории, словесности и нравоучения. Сочинения Михаила Никитича Муравьева, изданные по его кончине. М., 1810. Ч. 1. С. 3.

© Л. Росси, 1995

1810 г , было напечатано уже самим Муравьевым в начале 1790-х гг , правда, только для закрытого пользования двора Специфический характер этих «публикаций» и круга их читателей (императрица, семейство автора) проявляется в муравьевском письме сестре Федосье и ее мужу Сергею Лунину от 15 января 1792 г «Я полагаю, что трудами моими довольны По крайней мере сказывают, что обо мне вчера говорили Надобно привести в порядок некоторые исторические записки о России Имели снисхождение упомянуть обо мне Вы видите всю мою важность Может быть, брошен когда-нибудь возле Гиллиса и Анахарсиса, разделю я с ними на полках библиотеки величественную честь забвения Простите, что я не успел еще отправить мои печатные безделицы» [5]

Можно сказать уверенно, что шутливое пророчество писателя не оправдалось, главным образом благодаря тем текстам повествовательного и драматического характера, которые, несмотря на их учебное назначение, до сих пор представляют интерес и как литературные произведения В последние годы в ряде работ, посвященных творчеству писателя, было показано, что муравьевская воспитательная проза отличается сложностью и широтой, превосходящими ее непосредственное назначение [6]

К этой области творчества писателя относятся такие сочинения, как «драматическая сказочка» «Доброе дитя» (опубл в 1789 г), рассказ «Утренняя прогулка» и трилогия, состоящая из «Емилиевых писем» (и примыкающей к ним «Тетради для сочинений»), «периодического издания» «Обитатель предместия» (опубл в 1790 г) и «Берновских писем» (1787—1789, опубл в 1793 г) [7] Можно добавить и два «путешествия», оставшиеся в рукописи путешествие из Москвы в Архангельск в семи письмах под заглавием «Переписка двух приятелей в училище», [8] и «The idle traveller Путешествие

---

[5] ОПИ ГИМ, ф 141, ед хр 35, л 3 об

[6] Кроме работ И Ю Фоменко, см например *Rothe H* Zur Frage von Einflussen in der russischen Literatur des 18 Jhs // Zeitschrift fur slavische Philologie 1966 Bd XXXIII, H 1 S 33—68, *Орлов П А* Русский сентиментализм М , 1977 С 191—197, *Drage C L* Russian Literature in the Eighteenth Century London, 1978 P 139—141, 197—202, 235, *Bukhs N* Les éléments novateurs dans la prose de M N Murav'ev // RÉS 1985 T LVII/3 P 359—368, *Зорин А Л* Литературное направление как межнациональная общность (Английский и русский сентиментализм) Автореф дис канд филол наук М , 1982 С 17—19

[7] Сводный каталог русской книги граждан кой печати XVIII века 1725—1800 М , 1962—1967 Т 2 С 267—269, № 4371, 4385, 4388, Т 4 С 158, № 194, см *Росси Л* Маленькая трилогия Михаила Муравьева // Russica romana 1994 № 1 С 51—78 По жанру и по своей исторической тематике стоят особняком «Разговоры мертвых» (опубл в 1790 г) См Сводный каталог Т 2 С 268 № 4381, *Marcialis N* Caronte e Caterina, dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo Roma, 1989 P 206—219

[8] Заглавие извлекается из проекта произведения (РНБ, ф 499, М Н Муравьев ед хр 39, л 7) Три центральных письма (из Вологды, Шенкурска и Холмогор) были опубликованы в издании 1819—1820 гг под редакторским заглавием «Три письма» (*Муравьев М Н* Полн собр соч СПб , 1820 Ч 3 С 246—257), а остальные два письма (из Переславля Залесского и Ростова) уже в наше время (*Фоменко И Ю* Из прозаического наследия М Н Муравьева С 125—126) В

праздного человека», назначение которых, однако, не было выяснено до конца.

Теперь обстоятельные разыскания в многочисленных фондах, где хранятся бумаги писателя, позволили нам не только пересмотреть прежнюю оценку некоторых из этих текстов, но и пополнить список, очерчивая контуры отдельной области творчества Муравьева, которая до сих пор была почти неизвестной.

Часто забывают, что в 1792—1797 гг. Муравьев занимал также должность преподавателя русского языка для иностранных невест, а впоследствии жен великих князей, Луизы Августы фон Баден (в. к. Елизаветы Алексеевны) [9] и Юлианы-Генриетты фон Кобург (в. к. Анны Федоровны), и вопрос о существовании какой-нибудь части литературного наследия писателя, которая соотносилась бы именно с этой деятельностью, до сих пор не ставился. [10] Между тем тематика таких малоизвестных произведений, как «Феона» и «Утро», [11] и отдельных черновых текстов, находящихся в тетрадях главного муравьевского архива, свидетельствует, что они, в отличие от прежних произведений автора, обращены преимущественно к читателю женского пола; целесообразно поэтому было обращение к архиву в. к. Елизаветы Алексеевны из рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца [12] в поисках данных, подтверждающих наше предположение.

Согласно описи, эта единица (всего 334 л.) содержит: «Записки по русской грамматике и словесности. Курс, пройденный императрицею Елизаветой Алексеевной под руководством Муравьева в 1793 г. и под руководством Левицкого и Глинки с 1810 по 1813 г. Краткий обзор одного из преподавателей о происхождении и разви-

---

тетрадях писателя нам удалось обнаружить еще «заглавие» письма из Ярославля (РНБ, ф. 499, ед. хр. 28, л. 50 об.) и несколько строк последнего письма из Архангельска (РНБ, ф. 499, ед. хр. 39, л. 25). Так же как и «Емилиевы письма», переписка адресована «Филарету».

[9] См.: *Бирюков А. Я.* К биографии М. Н. Муравьева // Русская старина. 1908. Т. IX, сентябрь. С. 548.

[10] Лишь недавно, в книге о культурных конфликтах в истории русского литературного языка, В. М. Живов привел цитату из краткого обзора русской литературы, написанного Муравьевым на французском языке в 1792 г. и прочитанного великой княгине Елизавете Алексеевне в 1793 г. (*Живов В. М.* Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. М., 1990. С. 193, 209—210). Экземпляр (писарская копия), цитируемый ученым, хранится в Гос. архиве Российской Федерации, в Москве (ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 1—5). Другой экземпляр курса, копия с пометой автора, находится в С.-Петербурге, в Российской национальной библиотеке, в фонде Жуковского («Essai sur l'origine et les progrès de la Langue Russe», adressé à Son Altesse Serenissime Madame la Princesse Louise de Bade (sic!) en 1792 — РНБ, ф. 286, оп. 2, ед. хр. 297, л. 16—19). Там же хранится и «Précis de la Litterature Française», dicté à mad: la G. D. Anne en 1796, en Avril (там же, л. 47—51, 55).

[11] Сводный каталог... Т. 2. С. 269, № 4387, 4386. Они переплетены в конволюте мелких анонимных произведений автора («Смешения»), находящемся в Гос. публичной Исторической библиотеке в Москве.

[12] ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366. Громадный фонд рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца состоит из разнородных материалов, древнейшие из которых восходят к XIV в.

тии русского языка». [13] Более детальное определение этих материалов отсутствует, но нам было нетрудно опознать серию муравьевских беловых автографов и печатных произведений (они занимают листы 5, 8—15, 17—55, 58—69, 71—73, 75—77, 79, 309—334), среди которых можно выделить три группы: 1) печатные экземпляры отдельных частей уже известных нам произведений, а именно: первое письмо «Емилиевых писем», первое письмо «Берновских писем», произведение под заглавием «Письмо некоторого мореплавателя» [14] и пять разговоров из «Разговоров мертвых»; 2) рукописные беловики произведений, известных до сих пор только по черновику или совсем неизвестных; 3) сугубо дидактические материалы, такие как тексты диктантов, списки русских или церковнославянских слов, сопровождаемых переводом, и главы русской грамматики на французском языке, написанные рукой автора.

Надо предполагать, что Муравьев участвовал в подготовке невесты в. к. Александра к принятию православия и к миропомазанию. К этому предмету несомненно относятся как глоссарий «Explication de quelques mots Slavons» (Истолкование некоторых славянских слов), так и списанный Муравьевым «Exposé des Rites qui ont été observé à la confirmation de la feu Grande Duchesse Natalie Alexeévna» (Описание обрядов, соблюдаемых при миропомазании покойной в. к. Натальи Алексеевны). [15]

Наличие в архиве в. к. Елизаветы Алексеевны отдельных глав опубликованных произведений Муравьева показывает, насколько условно здесь определение «опубликованное». Ведь эти тексты, хотя и создавались как одно целое, печатались и раздавались ученикам не сразу, а в зависимости от потребностей процесса обучения, и только впоследствии собирались и переплетались самим автором или его наследниками. [16] По всей видимости, они использовались для вспомогательного и развлекательного чтения, а также для перевода.

Такую же функцию имели и те литературные тексты, которые не были напечатаны, а остались в рукописи. Они написаны Муравьевым прописью, с ударениями, на листах, сложенных пополам (размер страницы: 18 x 22.5 см.). Объем и сложность этих небольших сочинений обусловлены тем, что они предназначены для иностранки,

---

[13] См. примеч., 10.

[14] Другой экземпляр «Письма» переплетен в конволюте «Смешения» (ср. прим. 11). Ошибка в Сводном каталоге, где оно не отделяется от «Собрания писем различных творцов, древних и новых» (Сводный каталог... Т. 2. С. 286, № 4382). Центральная часть текста была опубликована в «Полном собрании сочинений» с рукописи и под заглавием «Восхождение солнца» (*Муравьев М. Н.* Полн. собр. соч. Ч. 3. С. 241—244; ср.: *Жилякова Э. М.* В. А. Жуковский и М. Н. Муравьев // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Т. 1. С. 102—103).

[15] ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 10—22; 319—324. Ср. черновики РНБ, ф. 499, ед. хр. 84, л. 1—5, 8—11 (в описи фонда описание обряда определяется как «Заметки о религии и церкви»); ед. хр. 76, л. 59 об.

[16] Можно сказать уверенно, что самим Муравьевым были переплетены конволют «Смешения» из ГПИБ и экземпляр «Берновских писем», хранящийся в Научной библиотеке МГУ. Характерно, что на рукописном титульном листе автор отметил потерю двух писем (НБ МГУ, IRy, 19663, л. 1).

слабо владеющей русским языком Тем не менее они представляют интерес и как литературные произведения и проливают новый свет на творчество Муравьева С них и начнется наш обзор новых находок в области его сентиментальной прозы

Текстов, представляющих литературный интерес и так или иначе примыкающих к остальной художественной прозе автора, всего семь Среди них можно выделить три группы два письма, относящиеся к произведению под заглавием «The idle traveller Путешествие праздного человека» («древняя повесть», так определяет ее писатель), «Евандрово младенчество» и четыре эпизода отдельного цикла, сгруппированных вокруг образа идеальной помещицы Феоны

О так называемых «дневниковых заметках» путешествия из Петербурга в Рязань в 1793 г , которым автор якобы собирался «придать форму описания или рассказа и затем выпустить в свет» под заглавием «The idle traveller Путешествие праздного человека», и о «двух письмах, из Новгорода и Твери», которые он якобы писал «какой-то девице М М М », писал уже Н Жинкин в 1913 г в монографической статье, посвященной Муравьеву [17] В 1981 г И Ю Фоменко доказала, что из этих-то писем и составилось произведение, которое следует рассматривать «в ряду литературы русских сентиментальных путешествий, появление которой было стимулировано „Письмами русского путешественника“», хотя оно ориентировалось «скорее не на Карамзина < > а непосредственно на Стерна», [18] тогда же исследовательница опубликовала с черновой рукописи три письма, из Новгорода и Твери от 18, 24 и 30 мая [19]

Тот факт, что первые два из них находятся среди учебных материалов в к Елизаветы Алексеевны, с одной стороны, подтверждает литературный, а не документальный характер этих писем, [20] а с другой — сужает замысел муравьевского произведения Таким образом, оправдывается не только введение исторической и географической информации, что вообще свойственно жанру литературного «путешествия», [21] но и якобы совершаемое автором отступление от главной темы, намеченной в заглавии, идеи «праздности» и свободы литератора как «важного момента в борьбе за профессионализацию литературы, за освобождение писателя от необходимости служить». [22]

---

[17] *Жинкин Н* М Н Муравьев (По поводу истекшего столетия со времени его смерти) // Изв ОРЯС 1913 Т 18, кн 1 С 294

[18] *Фоменко И Ю* Из прозаического наследия М Н Муравьева С 127

[19] Там же С 129—130 Тексты взяты из РНБ, ф 499, ед хр 29, л 120—125, 130 (заглавие)

[20] И Ю Фоменко допускает, что в 1790 х гг Муравьев действительно совершил «литературное путешествие» по данному маршруту и даже оставил записную книжку с видами Волги (там же С 127, 129) Между тем сохранившиеся в разных фондах письма единственного короткого путешествия, совершенного писателем в декабре (!) 1791 г , чтобы навестить сестру, отличаются более деловитым тоном и составляют довольно резкий контраст с письмами «праздного человека» О «девице М М М » см ниже

[21] *Batten Ch L* Pleasurable Instruction Form and Convention in Eighteenth Century Travel Literature California U P , 1978

[22] *Фоменко И Ю* Из прозаического наследия М Н Муравьева С 128

Тема «плодовитой праздности» писателя действительно звучит в муравьевской семейной переписке уже в 1770-е гг.,[23] но думается, что здесь стерновское выражение употребляется, чтобы обозначить невинное, хотя и достаточно новое понятие «турист». 16 апреля 1797 г. Муравьев писал отцу из Москвы, куда он ездил на коронацию царя Павла I в пустой надежде получить награду за долгие годы службы: «Я живу здесь в совершенной праздности и так, как ездят в Лондон и Париж праздные путешественники веселиться и проживаться».[24]

Идея путешествия как «туризма» придает новое звучание той диалектике города и деревни, которая играет такую важную роль во всей муравьевской прозе. Как видно из начала второго письма, здесь деревня является только приятным местом отдыха, после которого и праздному путешественнику придется вернуться к трудовой жизни города.

В беловом варианте первого письма спокойные занятия туристов XVIII века демонстративно противопоставляются фантастическим приключениям Дон Кихота. В этих словах находит отражение недавнее муравьевское увлечение испанским языком и героем Сервантеса:[25] «Ежели Вам угодно знать обстоятельства путешествия нашего *до сего места, то я могу Вам только то сказать, что приключения* наши были столько же просты и обыкновенны, сколько для нас вообще приятны. Вы не можете ожидать от нас славных подвигов Дон Кишота. Мы не встречались ни со странствующими кавалерами, ни с волшебниками и не сражались с ветряными мельницами. Инде завтрак под открытым небом, на берегу чистого источника; в другом месте хороший обед у какого-нибудь уездного дворянина из наших приятелей, гулянье пешком, где нам понравится приятный лужок или роща».[26]

Как видно, по сравнению с текстами, к которым обращалась И. Ю. Фоменко, письма из архива в. к. Елизаветы Алексеевны более полны и обработаны. В конечной части второго письма те элементы, которые в черновике были только названы, развиваются в целую картину, правда, недостаточно индивидуализированную: «Как я рад был, что у нас ось переломилась на самой высокой горе и принудила нас остановиться в близлежащей деревушке, покуда искали кузнеца

---

23 Ср. письмо от 23 октября 1778 г.: «Вместо того чтобы письма мои из Петербурга становились час от часу полнее и достойнее внимания, пустеют они приметно. Самый слог мой заимствует от недвижимости жизни моей. Сия недвижимость одушевляла столько счастливых ленивцев, Горациев и Анакреонов. А меня погружает она в полное бездействие. Тех мудрая леность превосходит многодельность такого множества бесславных имен, которые ценою беспокойствия целой жизни не могли исхитить себя от безызвестности. Вот разность: сии ленивцы были духи особливых дарований и не всяк уподобляется им со стороны разума, кто превосходит их по лености» (ОПИ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 51, л. 18).

24 ГАРФ, ф. 1153, Муравьевы, оп. 1 разд. I, ед. хр. 1, л. 57 об., (курсив мой. — *Л. Р.*).

25 Ср.: *Багно В. Е.* Сервантесовские чтения: Хроника // Рус. литература. 1983. № 4. С. 225—227 (*Фоменко И. Ю.* М. Н. Муравьев — читатель Дон Кихота).

26 ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 35—35 об.

и починивали карету. Мы ночевали у доброго старичка в огороде, и я имел удовольствие следующий день видеть восхождение солнца. Неизмеримый горизонт открылся передо мною. Всевозможные положения, так сказать, снесены в одну картину: холмы, долины, пропасти, из глубины которых едва видны верхи высоких дерев. Инде показываются строения, деревни, пашни. В другом месте сияет издали спокойная поверхность озер или ключи бьют с шумом и пеною и извиваются в долинах». [27]

Но иногда в окончательном варианте автору удается придать своим описаниям бо́льшую конкретность и настоящую зрительную выразительность. Сравним начало первого письма:

Черновой вариант	Беловой вариант
С чувствованием почтения приближался я к берегам Волхова, которого воды были свидетелями толь многих славных происшествий, и взирал из далека на золотые главы церквей и [1 нрзб.] новгородских. [28]	С чувствованием почтения приближался я к берегам Волхова, которого воды изображали в себе лица древних героев, Владимиров и Александров. Какое величественное зрелище открылось передо мною, когда стали показываться в отдаленности, сквозь синий туман воздуха, золотые главы церквей и остатки белеющихся стен Новгородских! [29]

Сопоставление двух вариантов одного и того же текста другой муравьевской повести, своеобразной «робинзонады» времен Сократа, о которой до сих пор никогда не упоминалось, особенно плодотворно.

В архиве в. к. Елизаветы Алексеевны на разных листках мы нашли начало и «Продолжение» произведения под заглавием «Евандрово младенчество. Древняя повесть». Между тем более полная ранняя редакция этого произведения (под заглавием «Воспитанник немого») помещается в большой тетради, хранящейся в главном муравьевском архиве в Санкт-Петербурге. [30]

Обращение к ученическим тетрадям Александра и Константина Павловичей, написанным ими под диктовку Муравьева, [31] позволило нам установить, что этот текст был создан для обучения великих князей и продиктован им с незначительными разночтениями. Было возможно также определить его точную датировку, так как на полях тетради будущего царя рядом с текстом последней части повести, озаглавленной здесь «Следствия кораблекрушения», сам Муравьев записал: «1788 Генв. 3 д.». [32]

---

27 Там же, л. 63—64.

28 РНБ, ф. 499, ед. хр. 29, л. 120.

29 ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 33—33 об.

30 РНБ, ф. 499, ед. хр. 39, л. 72—70 (так!); ср.: РНБ, ф. 499, ед. хр. 25, л. 4, 5 об. (черновые наброски).

31 См.: Учебная тетрадь императора Александра Павловича // Русский архив. 1866. № 1. Стб. 111—113.

32 ГАРФ, ф. 679, Романов имп. Александр I, оп. 1, I.1, л. 5—8 об. (7 об.); ср.: там же, ф. 1055, Романов Константин Павлович, оп. 1, 1, л. 34—39 об. В многочисленных проектах детских книг, встречающихся в поздних муравьевских тетрадях, чаще всего употребляется заглавие «Следствия кораблекрушения». Заглавие «Евандрово младенчество» входило в неосуществленный план «Карманной книжки для благородных юношей» начала 1800-х гг. наряду с заглавиями некоторых повестей из «Тетради для сочинений» (РНБ, ф. 499, ед. хр. 24, л. 4).

В этой редакции, которую будем называть «вариант 1787 г.», повесть сопровождается «Примечанием», объясняющим цель произведения: «Намерение сей повести состояло в том, чтобы показать стезю, которую разум достигает к познанию собственных своих деяний. Человек с природы получил начало мысли. Она возрастает в младенце с телесными силами. Сперва в послушании чувств она влечется по следам их в рассматривании вещей. Скоро входят в нее понятия образа, числа, протяжения, времени, существования. Она уже применилась к образованию языка и общих мнений. Но ежели от внешних предметов обратит он внимание на самого себя, новый порядок ощущений ему представляется. Понимание, мысль, переход от одной к другой или размышление, память, воображение, хотение, удовольствие, прискорбие суть деяния, которые предполагают существо, производящее их. Оно есть душа. Обогащенный сим понятием, мыслящий человек восходит от согласия и порядка тварей к премудрости творца. И таким образом совершается округ его знаний». [33]

Такая концепция, очень распространенная в XVIII в. и связанная с теориями сенсуализма, лежала в основе курса обучения, составленного Муравьевым для молодых князей: писатель старался подать разные предметы в «естественном» порядке, таким образом, чтобы ученики поняли, какая тесная связь существует между наукой и моралью. [34]

Подобная тема уже затрагивалась Муравьевым в тексте, являющемся, скорее всего, переводом с французского, под заглавием «Ощущения первого человека». [35] Здесь автор заменяет обобщенный и условный образ «первого человека» конкретным героем с определенной биографией, Евандром, и создает достаточно правдоподобные предпосылки ситуации, заставляющей его пройти весь путь человеческого сознания.

Действие происходит в античное время, в эпоху Алкивиада. Маленький ребенок Евандр (имя значит «хороший мужчина») в результате кораблекрушения, в котором погибают его родители, выброшен на необитаемый остров вместе со своим верным рабом. Последнему отведена служебная функция обеспечивать существование ребенка на диком острове, но он лишается речи. Как немой, он не может передать Евандру свои знания и понятия. Таким образом, ребенок вынужден открывать все заново сам.

Тема жизни одинокого человека на необитаемом острове связывает, казалось бы, Евандрову повесть с уже упроченной традицией «робинзонады», но муравьевское произведение полностью посвящено интеллектуальным открытиям героя и не развивает других возможностей жанра (борьба с природой, преодоление бытовых трудностей, неожиданные приключения). [36] Однако в варианте 1793 г. скупая

---

[33] РНБ, ф. 499, ед. хр. 39, л. 70.
[34] См.: «Обозрение учений» (там же, ед. хр. 83, л. 4—5).
[35] Там же, л. 15.
[36] Впрочем, в черновых тетрадях автора мы не нашли никаких упоминаний о романе Дефо.

хроника успехов человеческого разума обогащается новыми деталями, изображения «дикого» состояния и первобытного «общества» заметно поэтизируются, так что голая «просветительская» схема принимает сентиментальную окраску Сравним

Вариант 1787 г.	**Вариант 1793 г.**
Жалостливый воспитатель мой имел попечение о сохранении моей жизни в тысячи опасностей, которым слабость младенчества подвержена Но, будучи немой, он не мог меня научить наукам и языку греческим Рукодвижения, первый язык дикого человека и наши необразованные вопли служили нам разговором [37]	Конечно, я не могу помнить первых происшествий моего младенчества, но первый предмет, который представился моему понятию и который я сохраняю в сердце моем, есть изображение моего добродушного воспитателя Он не оставлял меня ни одного мгновения Около него ползал я и играл Он последовал за мною, когда я в состоянии был ходить и бегать Нам не было нужды в языке, чтоб разуметь друг друга Я понимал взоры его и рукодвижения, первый язык человеков Самый крик его, выражение страстей, имел для меня известный смысл [38]
Я заметил сие достопамятное место, где я сделал первое наблюдение, и со удовольствием к нему возвращался [39]	Место, на котором первый раз в жизни моей разговаривал я сам с собою, на котором я почувствовал, что я могу делать что нибудь другое, нежели бегать, стало предметом особливого моего внимания В уединении все одушевляется, чтоб разделять с нами наши удовольствия и печали Я думал, что место сие одарено чудесною силою, которая сообщала мне способность мыслить Как можно чаще возвращался я туда [40]

В новой редакции синтаксис несколько упрощается (устранено «самостоятельное» деепричастие), и язык лишается самых явных славянизмов (паки — опять)

Вариант 1787 г.	**Вариант 1793 г.**
Однажды, утомясь играть на песку морском в присутствии моего попечителя, погруженного в размышление, внезапу некоторый луч разума озарил темноту моего понятия [41]	Однажды, играя на песку морском в присутствии воспитателя моего, погруженного в глубокую задумчивость, я почувствовал что нечто необыкновенное происходит внутри меня Я рассуждал [42]
С тех пор природа, которая прежде для меня будто не существовала, приняла на себя самый привлекательный образ Я любил провождать взором солнце	Природа, которая будто не существовала для меня прежде, приняла теперь самый привлекательный образ Я любил провождать взором солнце от того мгно

[37] РНБ, ф 499, ед хр 39, л 72
[38] ГАРФ, ф 728, оп 1, ед хр 1366, л 60—60 об
[39] РНБ, ф 499, ед хр 39, л 71 об
[40] ГАРФ, ф 728, оп 1, ед хр 1366, л 75
[41] РНБ, ф 499, ед хр 39, л 72
[42] ГАРФ, ф 728, оп 1 ед хр 1366, л 61—61 об

от мгновения, в которое исходит оно величественно из глубины моря, до того, в которое паки погружается в волны [43]

вения, в которое исходит оно величественно из глубины моря, до того, в которое опять погружается в волны [44]

Стоит обратить внимание на то, что время действия повести отнесено к античности Как известно, лирическая поэзия в те годы начинала успешно решать задачу воссоздания «античного мира как такового», между тем как в русской прозе «после риторико-сентиментальной «Афинской жизни» (1791) Н М Карамзина вплоть до «Египетских ночей» (1835) и «Повести из римской жизни» (1836) А С Пушкина античная тема < > не ставилась» [45] В этом контексте попытка Муравьева, которая предшествует карамзинскому сочинению, приобретает некоторое значение, хотя в ней античные элементы немногочисленны и достаточно условны

Во всяком случае, «Евандрово младенчество» составляет исключение среди муравьевских повестей, которые обычно представляют картину современного русского общества, хотя и весьма идеализированную Таковы и последние четыре текста из архива в к Елизаветы Алексеевны, которые, однако, следует рассматривать не отдельно, а как часть целого цикла, который можно сопоставить с «Емилиевыми письмами» или «Обитателем предместия», несмотря на то, что он лишен общего заглавия и не обработан до конца

К этому циклу относятся девять коротких повестей и несколько отрывков Первые две повести под заглавием «Феона» и «Утро» были напечатаны, кажется, в одном экземпляре с обильным лексическим комментарием на французском языке и явно были предназначены для упражнений в переводе с русского на французский Из четырех беловиков рассматриваемого нами архива один короткий диалог озаглавлен «После обеда», легко устанавливаются заглавия двух других текстов «Осень» (на основе черновика), [46] и «Общество Феоны» (на основе черновой записи), [47] но даже при наличии черновика в бумагах автора мы не смогли определить заглавие четвертой повести [48]

Листок, идентичный серии Гос архива Российской Федерации, был обнаружен нами в Историческом музее, среди бумаг и писем Муравьева и его жены [49] На нем помещается беловик повести, которую черновая запись позволяет озаглавить «Управитель Феоны» [50] Кроме заглавий и черновиков вышеуказанных произведений в одной из поздних тетрадей писателя сохранились и тексты короткой повести, которую следует озаглавить «Алетов», [51] и диалога, состав-

---

43 РНБ, ф 499, ед хр 39, л 71 об

44 ГАРФ ф 728, оп 1, ед хр 1366, л 75 об

45 *Кибальник С А* Неоклассицизм в русской лирике конца XVIII—начала XIX в //На путях к романтизму Л 1984 С 139—140

46 РНБ, ф 499 ед хр 29, л 51 об —52 (черновик с незначительными разночтениями)

47 Там же, л 130

48 Там же, л 126 об —129 (черновик с незначительными разночтениями)

49 ОПИ ГИМ, ф 282, ед хр 287, л 143—144 об

50 РНБ, ф 499, ед хр 29, л 130

51 Там же, л 38 об —39, 62 об —63, 130 (заглавие)

ляющего ее «Продолжение».[52] Добавим также, что черновик другой незаконченной повести находится в фонде, где хранятся обзоры русской и французской литературы, написанные для великих княгинь,[53] между тем как черновой отрывок письма, примыкающего, возможно, к «Обществу Феоны», был обнаружен Л. А. Алехиной в фонде Н. С. Тихонравова Российской государственной библиотеки.[54]

Как видно, тексты отличаются друг от друга по форме. Если «Общество Феоны» и вышеуказанный отрывок написаны от первого лица и в настоящем времени, то в большинстве других повествование ведется от третьего лица и в прошедшем времени и часто прерывается непосредственно прямой речью без ремарок («Утро», «Управитель Феоны», «Алетов»), какую употреблял и о какой писал в «Энциклопедии» любимый писатель Муравьева Мармонтель;[55] «После обеда» и «Продолжение» «Алетова», наконец, являются сценками театрального типа. Несмотря на это и на некоторые разночтения,[56] действующие лица отличаются достаточно постоянными и узнаваемыми чертами, и цикл вообще обладает известной цельностью и органичностью, так что вполне закономерным представляется его анализ как отдельного комплекса.

Местом действия является «сельский дом» на берегу Волги, где живет семейство добродетельной вдовы Феоны. Под этим именем Муравьев воспевал любимую сестру Федосью, недавно умершую (11 сентября 1792 г.), между тем как имена дочерей Феоны, Еглея и Зилия, напоминают одну из трех Харит, Аглаю, и героиню романа г-жи Графиньи «Письма одной Перуанки» («Lettres d'une peruvienne», 1747).[57] Как и в «Емилиевых письмах» и «Обитателе предместия», здесь автор рисует портрет идеального помещика и создает небольшие эпизоды, позволяющие герою проявлять или просто провозглашать свои личные и общественные добродетели.

Первые две повести, описывающие повседневную жизнь маленькой семьи Феоны и праздничный момент, день рождения старшей дочери Еглеи, представляют собой торжество семейной любви, до-

---

52 Там же, л. 20—21.

53 РНБ, ф. 286, оп. 2, ед. хр. 297, л. 45 об., 46 об.

54 *Алехина Л. А.* Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей // Зап. отд. рукописей. М., 1990. № 49. С. 30, 75. Приведем текст: «Ты спрашиваешь меня, любезный друг мой, как я здесь провожу время свое. Я живу у Феоны. Это слово замыкает в себе прелести общества и уединения вместе, вкус, просвещение, все, чем привлекает разум здравый, сияющий, обогащенный знаниями и все, чем превосходное сердце возвышает ничего не значащие действия обыкновенной жизни. Я позабыл совершенно ваши рассеяния, ваши веселья и суеты. Они не стоят нашего покоя, наших настольных разговоров или чистосердечного болтания. Затем, что не подумайте, чтоб...» (РГБ, ф. 298, Н. С. Тихонравов, разд. IV, карт. 3, папка 56, л. 17—17 об.).

55 В статье «Диалог» (ср.: *Marmontel M.* Contes moraux et Bélisaire. Yverdon, 1781. T. 1. P. VII).

56 В первой повести упоминается маленький сын Феоны, о котором впоследствии больше не говорится; в диалоге «После обеда» господин Алетов является племянником Феоны, а в других повестях («Осень», «Алетов») просто ее соседом.

57 В молодые годы Муравьев отправил эту книгу сестре (ср. письмо от 30 сентября 1779 г. — ОПИ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 51, л. 89).

машней гармонии и кроткого благочестия.[58] В «Управителе Феоны», как прежде в «Добром дитяти», пример Еглеи и Зилии призван научить богатых жертвовать лишним для того, чтобы помочь своим несчастным братьям. Своеобразным «манифестом» просвещенного, благотворительного помещика является повесть «без заглавия», в которой Феона доказывает подруге г-же Осановой общественные преимущества и нравственное превосходство жизни в деревне с крестьянами: «Сельские труды доставляют нам приятное упражнение. Мы соединяем пользу нашу с пользою общества. Сохрани меня Боже! чтоб корыстолюбие и подлая скупость приближались к сердцу моему. Но когда я возвращаюсь с полей моих при захождении солнца, я не могу воспротивиться некоторому чувствованию благородной гордости и не подумать, что я участвовала к обогащению моего отечества. Крестьяне работают охотнее, когда видят помещицу свою, ободряющую их своим присутством и подвергающуюся той же тягости солнечного зноя, которой они терпят».[59]

В повести «Алетов» героиня утверждает, что даже для такого «любезного господина», как он, чувство серьезной ответственности перед своими крестьянами и перед отечеством должно составлять необходимое дополнение к светским интересам, музыке, пению, живописи, являясь единственным залогом настоящего счастья.

Судя по семейной переписке, Муравьев проповедовал примерно такую же мораль и сестре, «реальной Феоне», жившей тогда в Тамбове, вызывая в ней некоторое недоумение. Интересно сравнить письмо от 21 ноября 1791 г. и слегка иронический ответ Федосьи Никитичны в одном из ее немногочисленных сохранившихся писем, от 13 декабря 1791 г.: «Упражнение, приятное спокойство (я не знаю, как сие последнее всегда мне встречается), прекрасные дети: чего же вам хочется более. <...> Искание честей, которые иногда уничижают, владение сокровищ, которые уходят или нами владеют, шум веселий, который оглушает или прискучивает, могут ли сравняться с постоянным здоровьем души и тела, с твердостью, которая умеет утешать нас в минуты смущения, с дружбой, с супружеской, родительской любовью, с сладостным уверением, что я не злой человек, что меня никто не ненавидит? Скука, но вам некогда скучать между ласканий детских и упражнений домашних, скука может быть отгоняема беседой, чтением, благотворительностью. Вы имеете к ней более способов нежели мы, мещане столицы».[60]

«Милый мой друг и брат Михайло Никитич!

Нет ничего для меня приятнее, как последнее письмо твое, в котором так трогательно и притом справедливо описал ты мне самой мое собственное положение, ты заставляешь меня любить мое уеди-

---

[58] См.: *Drage C. L.* Russian Literature in the Eighteenth Century. P. 140—141.

[59] ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 311 об. Примечательно, что сам Муравьев почти никогда не видел своих мужиков и, когда они стали бунтовать, принял довольно крутые меры и обещал в будущем поступать «без малейшего милосердия» (РНБ, ф. 499, ед. хр. 4, л. 2 об.).

[60] ОПИ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 55, л. 65—66.

нение. Однако же завтра *приятное спокойство* наше прервано будет выездом к знатной барыне». [61]

С другой стороны, почти во всех повестях подчеркивается, какую важную культурную роль играют «легкие произведения веселости и остроумия» («Осень»), переводные песенки (там же) и даже «шутки, острые слова, тонкие ответы, сказочки, были и небылицы», украшающие беседу «благовоспитанных» и просвещенных людей («Общество Феоны»). На самом деле, тот факт, что главным героем является не мужчина, а женщина, позволяет Муравьеву наделить этот портрет новыми чертами и тем самым ввести новые темы, чрезвычайно важные для его культурной программы: ведь щедрая помещица, добродетельная и благочестивая мать является в то же время законодательницей вкуса блестящего салона.

В таких повестях, как «После обеда», «Осень», «Алетов», «Продолжение» последней и «без заглавия», семейный круг расширяется и включает добрых соседей Феоны, остроумного Алетова, только что возвратившегося из Англии, отца и сына Тополовых, госпожу Осанову, бывшую ученицу итальянского композитора Паизиелло... В «Обществе Феоны» взгляд автора явно переходит от ее провинциального салона к обществу вообще, облагороженному влиянием женщины: «Такова прелесть обхождения ее, что она умеет соглашать вещи, самые противные. Приятною улыбкою своею сгоняет она морщины со лба советника, который, кажется, не растворяет иначе рта, как для того, чтоб произнести приговор. Благородною важностью взоров своих и поступков она приводит в состояние самого ветреного щеголя говорить полчаса дело. Воин, приказной, купец, ученый, невежа, охотник, игрок, все выходят из присутствия ея довольны сами собою и еще более в том согласны между собою, что Феона превосходит их столько качествами разума и сердца, сколько старается сравняться с каждым ласкою и снисхождением. Владеть приятностью, это ее таинство». [62]

Подобный идеал женщины как «нравственного компаса общества и его художественного законодателя» играл важную роль и в культурной программе Карамзина. [63] Для Муравьева светский салон, в центре которого должны были находиться просвещенные и рафинированные женщины, имел принципиальное значение как потенциальная колыбель той «легкой поэзии», которую он хотел насадить в России по образцу Франции уже с конца 1770-х гг. [64] Желание увидеть и в своем отечестве общество, в котором возможно было «стихотворцем быть и светским человеком /И удержать в согласье неком /Со философией рассеяния вкус», [65] т. е. вкусы которого достигли высокого интеллектуального и эстетического уровня, звучит в программном стихотворении «Послание о легком стихотворении»

---

[61] Там же, ф. 282, ед. хр. 287, л. 137 об.

[62] ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 40—40 об.

[63] *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 271.

[64] См.: *Зорин А. Л.* «Вслед шествуя Анакреону...» // Цветник: Русская легкая поэзия XVIII—XIX веков. М., 1987. С. 7—15.

[65] *Муравьев М. Н.* Стихотворения. М., 1967. С. 219.

1783 г и связывается с идеей о необходимости развития салонной культуры

Дух такого идеального собрания и легкого, утонченного юмора, царящего в нем, сквозит в речи повествователя в эпизоде под заглавием «Общество Феоны», в единственном полном тексте цикла, написанном от первого лица «Я хотел бы иметь дарование этих скорописцев, которые записывали, сказывают, в римском сенате все, что ни говорили красноречивейшие члены его Но по несчастью, когда я имею удовольствие ужинать у Феоны, я так занят всем тем, что кругом меня происходит, что не имею времени вынуть из кармана записной книжки и карандаша, хотя я и уверен, что она простила бы мне сама и именем гостей своих эту странность, извинительную только в Рихардсоновых романах, записывать, что говорят другие» [66]

В повести «Осень» Алетов по предложению хозяйки развлекает друзей пением «песни, которую он недавно перевел с Аглинского» [67] это известное читателям Муравьева замечательное лирическое стихотворение «Приглашение», включенное писателем в список «Собрания стихотворений М Муравьева» начала 1800-х гг [68] Все это показывает, какая тесная связь существует между самыми серьезными задачами муравьевской поэзии и скромными учебными текстами, написанными для великой княгини

Черновые записи свидетельствуют о том, что Муравьев намеревался включить эти повести («Феона», «Утро», «После обеда», «Общество Феоны», «Управитель», «Алетов», «Праздный путешествователь», «Следствия кораблекрушения», «Утренняя прогулка») в сборник под заглавием «Забавы воображения Собрание повестей и явление, или Дом (?)» [69] К этому проекту, видимо, относится и предисловие, написанное 14 (19?) июля 1797 г в форме письма к некоей фиктивной «Девице М М М »

«Девице М М М

Вы никак не воображали, нашедши меня однажды за моим письменным столом, что я приготовляю в печати книжку для Вас Вы пользуетесь позволением возраста и ничего не знаете, кроме удовольствия Но я надеюсь, что пришло время для размышления Пускай книжка сия будет Вашим товарищем в сии важные минуты и послужит мне свидетельством перед Вами, что я давно имею честолюбие занимать Вас приятным и полезным образом

Издатель» [70]

---

[66] ГАРФ, ф 728, оп 1 ед хр 1366, л 39—39 об

[67] Там же, л 59 об Не исключено, что это утверждение является только мистификацией, во всяком случае, черновые наброски данного стихотворения, находящиеся в тетрадях автора, не помогают установить подлинник перевода Ср РНБ, ф 499, ед хр 25, л 4, 5 об , Там же, ед хр 29, л 18 об

[68] ОПИ ГИМ, ф 445, ед хр 154, л 9 См *Муравьев М Н* Стихотворения М , 1967 С 243, 353

[69] РНБ, ф 499, ед хр 29 л 130

[70] Там же, л 61—60 об

Как известно, из-за новых официальных должностей, занимаемых им в 1800-е гг., а также вследствие преждевременной смерти, Муравьеву не удалось вернуться к «настоящей» писательской деятельности и напечатать свои сочинения; многочисленные планы, которые он строил до конца своей жизни, остались нереализованными. Это предисловие, однако, сохраняет свое значение, так как им писатель как бы узаконивает рассмотренные нами тексты как законченные литературные произведения.

На самом деле «цикл Феоны» включается в комплекс, еще более широкий, чем задуманная книга для молодых девушек; в него входят «Доброе дитя», «Емилиевы письма», «Обитатель предместия» и «Берновские письма». Это приводит нас к одной очень важной особенности прозы Муравьева, на которую до сих пор не обращали достаточного внимания.

Для «повествователя-нравоучителя», воспринявшего идеи сентиментализма, главная цель состояла в том, чтобы «воздвигать чувствительность в пользу добродетели». [71] Поэтому «вместо того, чтоб *сказать*, что долг человека есть добро делать своему ближнему», следовало «*показать* добро сие совершаемое и благодетеля и одолженного действием: таким же образом правосудного и неправосудного, щедрого и низкого, Героя и слабого сластолюбца». [72] Но при этом изображения похвальных и порочных дел должны были обладать особыми качествами выразительности, да и само повествование следовало строить таким образом, чтобы способствовать нравственному сочувствию читателя-ученика к писателю-воспитателю.

Этому служит, например, преобладающая в педагогической прозе Муравьева эпистолярная форма, благодаря которой события не преподносятся «сами по себе, а <...> преломленными через сознание наблюдателя, дающего образец эмоциональной реакции на увиденное и услышанное». [73] Так, именно форма писем-дневника сентиментального человека, обращенных к другу, который не принимает участия в действии, обеспечивает отождествление читателя с адресатом и его стремление в этом статусе понять и сочувствовать пишущему, стать на его точку зрения. [74]

Поэтому в «Емилиевых письмах», например, образ героя-рассказчика может стать объединяющим и организующим элементом серии небольших поучительных эпизодов, в которых он, собственно, не играет почти никакой роли. Благодаря скудной информации о его преждевременной смерти, которую мы получаем в «Предуведомлении», события, сами по себе лишенные драматизма, получают патетическое освещение, [75] и письма воспринимаются как «роман» Емилия. Аналогично как периодическое издание («Обитатель предместия»), так и литературная переписка («Берновские письма» при-

---

[71] Там же, ед. хр. 28, л. 49.
[72] Там же, л. 49—49 об. (курсив мой. — *Л. Р.*).
[73] *Зорин А. Л.* Литературное направление как межнациональная общность. С. 9.
[74] *Jost F.* Problèmes de srtucture narrative de la «Nouvelle Héloïse» à «Werther» // Zagadnienia Rodzajów Literackich. 1967. T. X, z. 1 (18). S. 57.
[75] *Drage C. L.* Russian Literature in the Eighteenth Century. P. 198—199.

писываются Обитателю предместия, приятелю покойного Емилия и его друзей Алетова, графа Благотворова и Иринеева), и тем самым как бы включаются в его духовный мир и становятся частью одного романа. [76]

Найденные нами тексты показывают, что к Феоне приезжают Алетов [77] и Осанов (здесь с женой и дочерью) из «Емилиевых писем», а также господин Тополов, отец Ванюшки из «Доброго дитяти». Связь этого героя с трилогией проявляется в черновых вариантах, где он упоминается как дядя Филарета (адресата «Емилиевых писем») и, кажется, как сосед Обитателя. [78] Наличие такой сложной сети сквозных персонажей едва ли случайно и прямо соотносится с основным приемом творчества Муравьева-прозаика, т. е. с использованием, по выражению Ю. Н. Тынянова, «фрагмента как средства конструкции». [79]

Можно сказать, что муравьевская воспитательная проза вся состоит из «фрагментов», из маленьких, самих по себе не очень значительных «единиц». Но эти самостоятельные единицы объединяются в комплекс, все более и более расширяющийся как благодаря смысловым ассоциациям, [80] так и путем сквозных персонажей. Именно они обеспечивают «циклизацию» отдельных эпизодов. Нельзя сомневаться в том, что это входило в намерения автора. Так, набрасывая на трех языках план «Берновских писем» как «литературных чтений» и «критических опытов», Муравьев решительно прикрепляет их к героям своих предыдущих повестей: «Elements of criticism. Lectures ou Belles Lettres. Берновские Письма. Древние и новые. Гомер, Гораций, Виргилий, Софокл, Тасс, Буало, Расин, Мольер, Вольтер. Ce sujet peut être repris sous une autre forme: Иринеев, прельщенный спокойствием своего предместия, Емилиев перевод Гесснера, эпизод...» [81]

Для воспитательных целей писателя особенно принципиальное значение имел тот факт, что в процессе циклизации должен был принимать участие сам ученик, узнавая действующих лиц и вспоминая связанное с ними нравоучительное правило Процесс происходил только в сознании читателя, но это еще более способствовало его проникновению в предлагаемые ему нравственные истины или принципы «вкуса».

С другой стороны, именно в работе над такой прозой, которая предназначалась для учебных целей и которую не предполагалось распространять среди публики, Муравьев, возможно, почувствовал себя более раскованным и захотел провести формальные эксперимен-

---

[76] *Росси Л.* Маленькая трилогия Михаила Муравьева. С. 72—74.

[77] Алетов также участвует в «утренней прогулке» одноименного рассказа и в другой прогулке, описанной в «письме», иллюстрирующем спряжение глагола «идти» (ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 315—316).

[78] РНБ, ф. 499, ед. хр. 28, л. 56, 47 об.

[79] *Тынянов Ю. Н.* Поэтика, история литературы, кино. М., 1977. С. 43.

[80] *Bukhs N.* Les éléments novateurs dans la prose de M. N. Murav'ev. P. 367.

[81] Основы критики (*англ.*). Чтения или художественная литература. Можно развивать этот сюжет и в другой форме (*фр.*) (РНБ, ф. 499, ед. хр. 37, л. 23 об.).

ты в духе современной европейской литературы, «поиграть» реминисценциями из своих излюбленных сочинений, воспоминаниями о молодости, [82] милыми сердцу героями.

В самом деле, найденный писателем механизм действует и на современного читателя, и если задуматься, переходя от отдельного письма к серии писем, от одной серии к трилогии, от нее ко всему комплексу повествовательной и драматической прозы Муравьева 1790-х годов, мы находим, что, по сути дела, она представляет собой один роман, гораздо глубже и интереснее, чем любая из его составляющих частей, потому что он бесконечен, как и сама жизнь.

С этой точки зрения интересную параллель прозе представляют стихотворные тексты, написанные в начале 1770-х гг. и переработанные в последние годы жизни для публикации в книге «Собрание стихотворений М. Муравьева». Именно таким сочинениям, как басни и эклоги, которые принадлежат к определенным жанрам классицизма и, как правило, лишены каких-либо автобиографических оттенков, в последней редакции автор предпослал короткие посвящения особам, принимавшим непосредственное участие в его поэтическом воспитании, ссылаясь на конкретные обстоятельства их знакомства («Суд Момов. К А. М. Засодимскому», «Перо. К его превосходительству Александру Петровичу Ермолову», «Еклога. К его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву»). [83] Таким образом, Муравьев ввел лирического героя, наделенного автобиографическими чертами, внешнего, но как бы присутствующего во всех стихотворениях. Вследствие этого отдельные сочинения и их специфический жанр отступают на второй план как таковые и представляются фрагментами более широкий структуры: автобиографического «романа».

Нельзя, конечно, преувеличивать значение муравьевских неопубликованных и незавершенных экспериментов. Тем не менее мы не ошибемся, поставив их в начале той линии, которая ведет к таким гениальным созданиям, как «Евгений Онегин» и «Герой нашего времени».

Ниже мы публикуем неизданные тексты М. Н. Муравьева, печатные, беловые и черновые, в «логическом» порядке. Пунктуация, орфография и нормы в написании прописных букв приближены к современным, за исключением орфографии личных имен и названий. В квадратных скобках даются восстановленные нами заглавия, слова или буквы.

---

[82] О литературных реминисценциях и автобиографических элементах в прозе Муравьева см.: *Росси Л.* К вопросу о соотношении эпистолярной и художественной прозы в России в последней четверти XVIII века // Slavica Tergestina. Trieste, 1994. V. 2: Studia russica. P. 91—115.

[83] *Муравьев М. Н.* Стихотворения. С. 53 (ср. 293), 68—69 (ср. 295), 85—88.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рукописные беловики, с ударениями Государственный архив Российской Федерации, ф 728 Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца, оп 1, ед хр 1366

[THE IDLE TRAVELLER
ПУТЕШЕСТВИЕ ПРАЗДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Новгород, Тверь, Москва, Коломна, Рязань]

Новгород, мая 18

Вы видите, что я исполняю слово мое и сообщаю вам журнал *л 33*
моего путешествия Вчера приехали мы в Новгород, который
наполнял некогда весь Север славою своею (затем, что надобно
верить преданиям истории) и теперь только одна тень великого
имени С чувствованием почтения приближался я к берегам
Волхова, которого воды изображали в себе лица древних героев,
Владимиров и Александров Какое величественное зре-
лище || открылось передо мною, когда стали показываться в *л 33 об*
отдаленности, сквозь синий туман воздуха, золотые главы цер-
квей и остатки белеющихся стен Новгородских[1]

Древность имеет нечто важное для человека, и Новгород
есть совершенно историческая земля для Русских Он воспо-
минает начало Монархии Российской Около тысячи лет назад
сей город процветал уже торговлею и страшен был оружием
соседственным народам На этой площади говорил Госто-
мысл || с важным красноречием Отсюда были посланы послы, *л 34*
чтобы призвать Рюрика на владение Здесь был воспитан
Владимир великий На этом берегу Волхова стоял дворец Яро-
слава, сего любимого Государя, который был законодателем
Новгородцев В сем священном храме, украшенном греческими
искусствами, почивает тело владимировой супруги На этом
мосту царь Иван Васильевич Грозный, который нес с собою
страшную месть, был встречен духовен || ством с крестами и *л 34 об*
образами

Нет места в Новегороде, которое не приводило бы на память
какого-нибудь важного происшествия Наш славный трагичес-
кий писатель, Сумароков, умел искусно пользоваться сим при-
страстием зрителей своих, представив в своем «Синаве» первые
происшествия российского народа, украшенные баснями, и вы-
думав, между прочим, будто озеро Ильмень наречено по имени
Гостомысловой дщери

А ты, где, озеро, ни будешь глашено,
Что именем моей драгой наречено[1]
Повсюду возвещай мою несносну муку
И именем своим тверди мою разлуку ||

---

[1] Неточная цитата из трагедии «Синав и Трувор», действие V, явление 3 «А ты где, озеро ни будешь глашено / Которо именем драгим украшено »

л. 35 Тверди и то, что я для той, кого любил,
Близ устья Волхова сей меч в себя вонзил.

Ежели вам угодно знать обстоятельства путешествия нашего до сего места, то я могу вам только то сказать, что приключения наши были столько же просты и обыкновенны, сколько для нас вообще приятны. Вы не можете ожидать от нас славных подвигов Дон Кишота. Мы не встречались ни со странствующими кавалерами, ни с волшебниками и не сражались с ветряными
л. 35 об. мельницами. Инде завтрак || под открытым небом, на берегу чистого источника; в другом месте хороший обед у какого-нибудь уездного дворянина из наших приятелей, гулянье пешком, где нам понравится приятный лужок или роща.

Таким образом в Тосне, между тем как переменяли лошадей, застала нас ужасная буря на поле, с версту от деревни. Я никогда не слыхал таких сильных ударов грома. Молния то и
л. 36 делала, что пробегала тучи. Вы || конечно бы испугались. Но я был так занят зрелищем бури, что не имел времени бояться. Дело кончилось тем, что мы были перемочены дождем и что воздух сделался гораздо чище.

Пожелайте нам доброго пути, затем что теперь подвозят нашу карету. Я надеюсь писать к вам из Твери. Прощайте. ||

л. 62 Вторник 24 мая. Тверь.

С тех пор, как я вам писал последний раз, сколько полей, лесов, гор, долин поместилось между обоими нами! В то время, как вы проводите вечера ваши в сияющем обществе, на великолепных берегах Невы, я сижу уединен, при самих струях Волги, на диком камне, который природа, кажется, нарочно бросила для такого праздного путешествователя, как я. Оттуда гляжу я
л. 62 об на барки, которые одна другой последуют || и поспешают принести изобилие полей вам, спокойным обитателям столицы.

Мне это движение чрезвычайно нравится. Все живет, все действует. Разносится шум весел, крик работников; прохладное течение реки занимает мое внимание: кроме всего этого, такой прекрасный день, что кажется, будто чувства имеют двойную силу наслаждаться счастьем. Между тем как все трудятся, я один ничего не делаю. Что я говорю? Разве это ничего не делать, что жить? Я наблюдаю спокойно, что кругом меня про-
л. 63 исхо||дит, я отдыхаю от забот и волнений света и принимаю новые силы, чтобы возвратиться опять к трудолюбивой жизни.

Я привезу к вам в моей записной книжке виды Волги, которые я рисовал карандашом, и другие местоположения, которые мне понравились по дороге, особливо проезжая Валдайские горы. Они представляют поражающее противуположение с печальными болотами новгородскими. Здесь природа оживляется переменою и производит виды важные и жи-
л. 63 об. вописные. Как я рад был, что у нас ось переломилась на || самой высокой горе и принудила нас остановиться в близлежащей

деревушке, покуда искали кузнеца и починивали карету. Мы ночевали у доброго старичка в огороде, и я имел удовольствие следующий день видеть восхождение солнца. Неизмеримый горизонт открылся передо мною. Все возможные положения,|| так сказать, снесены в одну картину: холмы, долины, пропасти, из глубины которых едва видны || верхи высоких дерев. Инде *л. 64* показываются строения, деревни, пашни; в другом месте сияет издали спокойная поверхность озер, или ключи бьют с шумом и пеною и извиваются в долинах.

Протекающие речки маловажны, но они одарены от природы особливым преимуществом: они производят жемчуг. Хозяин наш показывал нам несколько, набранного детьми его. Вы легко отгадаете, что мы старались || друг перед другом приобрести *л. 64 об.* сие сокровище, и вы можете без сомнения ожидать в нем участия. Продержав вас так долго Валдайскими горами, я прохожу в молчании остаток путешествия. Города так похожи друг на друга. Везде стараются подражать обычаям столицы, и вы не имеете нужды в списках, когда видите образец. Но Тверь заслуживает исключение. Пожар, который || разорил ее, стал *л. 65* причиною нынешней красоты ее. ||

ЕВАНДРОВО МЛАДЕНЧЕСТВО *л. 60*

Древняя повесть

Меня зовут Евандром: родители мои скончали жизнь свою в кораблекрушении, переплывая пролив моря, что между Сицилии и Италии. Я был младенцем. Немой невольник отца моего был спасителем жизни моей. Волны бросили нас обоих на берег пустого маленькаго острова. Травы, дикия коренья, служили нам пищею.

Конечно, я не могу помнить первых происшествий моего младенчества, || но первый предмет, который представился мо- *л. 60 об.* ему понятию и который я сохраняю в сердце моем, есть изображение моего добродушного воспитателя. Он не оставлял меня ни одного мгновения. Около него ползал я и играл. Он последовал за мною, когда я в состоянии был ходить и бегать. Нам не было нужды в языке, чтобы разуметь друг друга Я понимал взоры его и рукодвижения, первый язык человеков. Самый крик его, выражение страстей, имел для меня известный смысл. || Я *л. 61* не мог вздумать тогда, что люди умеют изобразить словами все свои мысли. Мне и то было неизвестно, что есть еще люди кроме нас. Пространством нашего острова ограничивал я вселенную. Без попечения, от утренней зари до вечерней, бегал я по холмам и долинам. Но, нечувствительно мне самому, разум мой приходил в состояние мыслить.

Однажды, играя на песку морском в присутствии воспитателя моего, погруженного в глубокую задумчивость, я почувствовал, что нечто необыкновенное происходит внутри меня. || *л. 61 об.*

Я рассуждал. Новое зрелище открылось передо мною. Я приметил, что особливое существо живет внутри меня. Я стал для самого себя предметом любопытства. С тех пор все мои действия стали мне примечательны. Я пожелал встать: и ноги мои, во мгновение ока и сами собою, исполняли повеление сего существа невидимого, которого я признал владычество в себе самом. Я хотел ходить: и ноги мои переступали поочередно с легкостью, которую получили они от привычки и повторенных опытов. Мне случалось упадать нечаянно, и рука спешила сама собою к защищению головы моей. Таким образом, уединяясь в самого себя, старался я различать способности души моей. ||

л. 75

Продолжение

ЕВАНДРОВОЙ ПОВЕСТИ

Место, на котором первый раз в жизни моей разговаривал я сам с собою, на котором я почувствовал, что я могу делать что-нибудь другое, нежели бегать, стало предметом особливого моего внимания. В уединении все одушевляется, чтобы разделять с нами наши удовольствия и печали. Я думал, что место сие одарено чудесною силою, которая сообщала мне способность мыслить. Как можно чаще возвращался я туда. Там переставал
л. 75 об. я быть дитятею и упражнялся в собирании || новых понятий. Оттуда рассматривал я окружающие меня предметы.

Природа, которая будто не существовала для меня прежде, приняла теперь самый привлекательный образ. Я любил провождать взором солнце от того мгновения, в которое исходит оно величественно из глубины моря, до того, в которое опять погружается в волны. Ночь, сияющая несчетными звездами, вливая спокойствие в чувства, возводила душу мою к величественным мечтаниям. Примечая порядок природы, видя солнце, беспрестанно возвращающееся в установленный час для осве-
л. 76 щения вселенной, помрачающиеся || звезды, бледнеющий месяц, непрерывающееся биение ключей, растение древес, я готов был отгадать создателя их. *Солнце и Луна повинуются законам; без сомнения есть законодатель*, рассуждал я сам в себе.

Между тем округ понятий моих становился каждый день обширнее. Я различал вещи, я примечал движение, которое переменяет их образ беспрестанно. Я сравнивал два понятия, видел сходство их или несходство и выводил из них следствия. Часто я обманывался, но наблюдение сих самых ошибок слу-
л. 76 об. жило мне вперед к || поправлению рассуждений моих.

Однажды, в знойный полдень, внезапу горизонт помрачился, свирепый ветер пробежал землю и возмутил поверхность вод. Громы ударяли друг за другом. Молния освещала страшным светом пространную темноту небес. Я трепетал, поверженный на землю; но самый трепет мой нарицал, кажется, во глубине

сердца моего имя того Существа вышнего, которого благость обожал я в спокойствии прекрасной природы. Скоро буря утихла. По рассеянии темноты воздушной несколько кораблей появилось перед нами. Они отнесены были от флота Никия, полководца Афинского, который с воинством направлял плавание свое к берегам Сицилии. ||

Черновики. Российская национальная библиотека, ф. 499, М. Н. Муравьев, ед. хр. 39.

ВОСПИТАННИК НЕМОГО [2] *л. 72*

Меня зовут Евандром: родители мои погибли в кораблекрушении, плывя из Сицилии в Италию. Я был младенцем. Немой невольник отца моего спас меня чудесным образом, прибит будучи волнением к пустому острову. Дикие прозябения сего острова служили нам пропитанием. Жалостливый воспитатель мой имел попечение о сохранении моей жизни в тысячи [3] опасностей, которым слабость младенчества подвержена. Но, будучи немой, он не мог меня научить наукам и языку греческим. [4] Рукодвижения, первый язык дикого человека, и наши необразованные вопли служили нам разговором. [5]

Однажды, утомясь играть на песку морском в присутствии моего попечителя, погруженного в размышление, внезапу некоторый луч разума озарил темноту моего понятия. Я помню, что я почувствовал, обратив на || себя внимание, что существо *л. 71 об.* некоторое, отдельное от тела, внутри меня присутствует. Я приметил в себе действие размышления. [6] После сего наблюдения все мои действия стали мне примечательны. Я пожелал встать: и ноги мои во мгновение ока и сами собою исполняли повеление сего существа невидимого, которого я признал владычество в себе самом. Я хотел ходить: и ноги мои переступали поочередно с легкостью, которую получили они от привычки и повторенных опытов. Мне случалось упадать нечаянно, и рука спешила сама собою к защищению головы моей.

Таким образом, уединяясь в самого себ[я], я научился познавать действия души моей, собственным своим откровением и прежде, нежели я воображал, что есть слова, знаменования

---

[2] Вариант заглавия: «Следствия кораблекрушения. Повесть» (ГАРФ, ф. 679, Романов имп. Александр I, оп. 1, I. 1, л. 5; там же, ф. 1055, Романов Константин Павлович, оп. 1, 1, л. 34). Далее приводятся наиболее значительные разночтения в этой редакции.

[3] ...оберегал жизнь мою от тысячи... (ГАРФ, ф. 679, Романов имп. Александр I, оп. 1, I. 1, л. 5).

[4] Но нем будучи от природы, не мог он научить меня языку и наукам, без которых самая жизнь не приятна (там же).

[5] Я понимал взоры его, ласки, необразованный вопль. Но сие только и рукодвижения, первый язык дикого человека, составляли весь наш разговор (там же).

[6] ...в глубокое размышление, я обратил внезапу внимание на самого себя. Некоторый луч света озарил темноту моего понятия. Я ощутил внутри самого себя присутствие некоторого существа, отдельного от тела, которое мыслит и желает (там же, л. 5—5 об.).

мыслей. Я заметил сие достопамятное место, где я сделал первое наблюдение и со удовольствием к нему возвращался. С тех пор природа, которая прежде для меня будто не существовала, приняла на себе самый привлекательный образ.

Я любил провождать взором солнце, от мгновения, в которое исходит оно величественно из глубины моря, до того, в которое паки погружается в волны. Ночь, сияющая несчетными звез-
л. 71 дами, || вливая спокойствие в чувства, возводила душу мою к величественным мечтаниям. Внимая только порядку природы, видя в уреченный час беспрестанно возвращающееся солнце, по-мрачающиеся звезды, непрерывающееся биение ключей, растение древес, я готов был отгадать создателя их. Солнце и луна повинуются законам: конечно есть законодатель, рассуждал я сам в себе...

Между тем округ понятий моих становился час от часу обширнее. Я различал вещи: я постигал движение, которое беспрестанно переменяет их образ. Я сравнивал два понятия, совокуплял их и делал заключения. Я часто обманывался, но наблюдение сих самых ошибок служило мне вперед к поправлению моих рассуждений...

Однажды, в знойный полдень, внезапу горизонт помрачился. Свирепый ветер пробежал землю и всколебал воды. Громы ударяли друг за другом. Бедственная молния проражала тьму мгновениями... Я трепетал, поверженный на землю, но самый
л. 70 об. трепет мой || нарицал, кажется, во глубине сердца моего, имя того Существа *вышнего*, которого благость обожал я в спокойствии прекрасной природы...

Скоро буря утихла. По рассеяннии мглы воздушной несколько кораблей появилось перед нами. Они отнесены были от флота Никия, полководца Афинского, который с воинством обходил Сицилию. Добрые мореходцы сжалились над нами и взяли нас на корабль. Мы были признаны уроженцами Афинскими.

Какое удивление может сравниться с моим, когда я в первый раз увидел сии великие громады, движущиеся по волнам; но еще более, когда предоставилось мне человеческое общество, которое прежде заключалось в нас двоих, когда услышал я голос и разговор человека? Долго казалась мне речь слитною и непрерывною. Мало-помалу зачал я различать отдельные образования голоса, или слова. Я понял, что к каждому из оных присоединено некоторое понятие. Тогда все способности души моей перенеслись, кажется, в чувство слуха, и средством памяти и внимания я научился понимать и говорить.

л. 70 Всем известно, что Алкивиад был отозван от начальства обратно в Афины. Он взял || с собою меня и попечителя моего, который перестал уже быть невольником, стал избавителем моим и другом. Народ пожаловал его правом гражданства и ввел меня во владение родительских имений. Препоручен Алкивиадом мудрому Сократу, я рассказал ему постепенные усилия и успехи разума моего в познании самого себя. ||

ПРИМЕЧАНИЕ
(Прибавление)

Намерение сей повести состояло в том, чтобы показать стезю, которою разум достигает к познанию собственных своих деяний. Человек с природы получил начало мысли. Она возрастает в младенце с телесными силами. Сперва в послушании чувств она влечется по следам их в рассматривании вещей. Скоро входят в нее понятия [с][7] образа, числа, протяжения, времени, существования. Она уже применилась к образованиям языка и общих мнений. Но ежели от внешних предметов обратит он внимание на самого себя, новый порядок ощущений ему представляется. Понимание, мысль, переход от одной к другой или размышление, память, воображение, хотение, удовольствие, прискорбие суть деяния, которые предполагают существо, производящее их. Оно есть душа. Обогащенный сим понятием, мыслящий человек восходит от согласия и порядка тварей к премудрости творца. И таким образом совершается округ его знаний.

Государственная публичная Историческая библиотека, Отдел редких книг, Детская коллекция, конволют «Смешения», 1789 г., без сплошной пагинации или нумерации листов. Пагинация библиотеки. Текст повести напечатан на обороте листа (левой странице); слова пронумерованы, и на правой странице *помещается лексический комментарий.*

ФЕОНА *с. 1*

В приятной долине, на берегу Волги, был сельский дом, *с. 2*
которого благородная простота привлекала взоры путешествующих. Это был дом Феоны. Нежная мать, добрая госпожа, она делала счастие всех тех, которые ее окружали. Муж ее, офицер отличного достоинства, умер сражаясь за отечество перед || *с. 4*
полком своим. Каждый день Феона оплакивала смерть его. Но дети ее умели отирать слезы ее своими невинными ласками.

Еглея, старшая дочь ее, вступала на пятнадцатый год и она уже была другом своей почтенной матери. Она разделяла попечения хозяйства. Она надсматривала за воспитанием младшей сестры своей, Зилии, и молодого своего брата. || Часто ма- *с. 6*
маленький брат ее резвился, вместо того чтобы учиться. Она умела приводить его к должности тихостью. Часто он был виноват. Еглея заступала за него: и не было более способа сердиться. Столь свойственно матери прощать, и особливо, ежели виновный имеет доброе сердце.

Целые дни проходили в чтении, в поучительных разговорах. Иногда обедали на лугу, посреди сельских трудов. || Смотре- *с. 8*

[7] Отсутствует в продиктованных экземплярах (там же, л. 8—8 об.).

ли жатву, сенокос. Гуляли под тенью дерев. Пили чай на каком-нибудь острову Волги. Под вечер крестьяне и крестьянки приходили толпою праздновать счастие свое песнями и плясками.

Там же. Страницы пронумерованы. Текст повести напечатан на левой странице; слова пронумерованы, и на правой странице помещается лексический комментарий.

с. 1 *УТРО*

с. 2 В один прекрасный день в мае месяце (это был день рождения Еглеи) Феона встала поутру очень рано. Тень ночи исчезала мало-помалу. Тихий свет зари вливал новую жизнь в чувства. Птички пробужались на ветвях дерев и сладостью пения своего встречали раждающийся день. Солнце явилось во всей красоте своей и осветило неизмеримое пространство воз-
с. 4 духа. Сердце Феоны восхи || щалось сею картиною прекрасной природы, но оно присоединяло к сему удовольствию глубокое чувствование собственного своего счастья.

Первое дело ее было молиться Богу и принести благодарения Вышнему Существу за бесценное благодеяние, которым благоволило оно означить день сей в жизни ее. Она не столько благодарила небо за то, что оно даровало ей дочь, сколько за то, что оно сотворило сердце ее для добродетели и благотворительности. Чувствительность Еглеи была столь нежна, что она не могла видеть несчастных, не страдая сама и не желая
с. 6 помочь им. || И в самое сие время родительница ее окружена была теми, которых несчастья облегчены были стараниями Еглеи.

Сердце матери не в состоянии было перенести всей своей радости. Сперва было она не хотела будить детей своих. Но нетерпеливость обнять Еглею превозмогла сие намерение. Тихонько приближается она к дверям спальни ее, тише отворяет и на цыпочках входит. Приближается к Еглее, которую сон уже оставил. Сердце ее угадывало приближение родительницы. Объ-
с. 8 ятия их || выражают всё, что природа имеет сладостнейшего и священнейшего. С нежнейшим почтением целует Еглея руку матери. Поздравляю тебя, душа моя, говорит Феона, со днем рождения твоего. Несчастные друзья твои пришли тебя поздравить. Но первый друг твой хотел иметь преимущество. Зачем не имеем мы с собою того, который в лучшем свете наслаждается наградою добродетели! — Несколько слез из глаз Еглеи упало на руку Феоны. — Я тебя опечаливаю, я виновата. Наша должность сносить без роптания все то, что угодно было муд-
с. 10 рому Прови || дению. Станем наслаждаться дарами его с благодарностью и не позабудем, что мы на земле не навсегда. Посмотри, какой прекрасный день сегодня. Пора вставать, душа

моя. пора одеваться. Скоро восемь часов. Надобно ехать к обедне. А там гости приезжать будут. Не увидишь, как пройдет время.

Меж у тем как они разговаривали, Зилия проснулась и, вслушавшись в разговор их, хотя они и говорили вполголоса, чтобы не разбудить ее: *это вы, матушка, зачем вы не разбудите вашей Зилии*? — Мне жаль было помешать твоему спокойствию, ответ||ствовала Феона, поздравляю тебя, душа моя, *с. 12*
с именинницею. Мы станем завтракать. Девушка! Прикажи чай подать. Вносят столик. Вся семья соединена около завтрака. Еглея разливает чай сама. Приказчица, добрая старушка, принесла ей сливки, самые вкусные. Еглея подносит ей чашку чаю, и добрая старушка восхищена от радости.

Между тем пора была убираться. Еглея входит в уборную свою. Какое удивление! Прекрасное платье, шитое || без ве- *с. 14*
дома ее в Москве, лежало на креслах. Картоны с флерами, лентами, новомодная шляпа. Первые взоры Еглеи были для любопытства; но скоро возвратились они, наполнены слезами умиления, на ту, которая доставляла ей сии удовольствия. — Эти суеты для меня драгоценны, говорит Еглея, потому что я их имею от любви вашей. Сказав, поверглась она в руки ее. Этого довольно, перервала Феона с важностью, мы можем опоздать к церкви. Тебе пора волосы чесать, а я пойду давать приказания по хозяйству.

Рукописный беловик, с ударениями. Отдел письменных источников, Государственный Исторический музей, ф. 282, ед. хр. 287.

[УПРАВИТЕЛЬ ФЕОНЫ] *л. 143*

Управитель Феонин приехал из дальней деревни, чтобы подать счеты свои барыне. Феона рассматривала его бумаги, расспрашивала о состоянии крестьян своих. Она знала многих по именам. Посторонний человек подумал бы, что она спрашивает о друзьях своих, а не о подданных. Столько полагала она снисхождения в речах своих. Строга ко злым, она находила удовольствие выискивать и награждать добродетель в состоянии самом низком. Но более всего прилагала она все свои попечения помогать бедности. В хорошие годы наполняла она житницы свои хлебом и отворяла их мужикам своим во время недостатка.
И соседи участвовали в милостях ее. За то везде ее || благо- *л. 143 об.*
словляли. Это наша общая мать, говорили они. Пусть Бог продлит жизнь ее, чтобы наши внучата могли еще видеть нашу благотворительницу.

Но, между тем как Феона была совсем занята своею экономиею, торговка возле Еглеи раскладывала товары свои, прелестные безделицы, кружева самые тонкие, ленты всех цветов.

Она продавала очень дешево, ежели ей поверить; а вместо того все было чрезвычайно дорого. Зилия забавлялась развертывать вееры. В самый сей день Феона подарила дочерям своим
л. 144 несколько денег, || которые она оставляла совершенно на их расположение. Зилия уже накупила себе множество лоскутков. Еглея еще выбирала. Между тем разговор продолжался с обеих сторон.

— Так, Сударыня, говорил управитель, Яков совсем разорился. У него пало две коровы и лошадь. От молнии сгорела у него житница, и крестьянин самый зажиточный просит милостыни... — Зилия спрашивала в то же время: Сколько стоит эта записная книжка? — Тридцать рублей, Сударыня. Это последняя цена. — Еглея, тронута тем, что сказывал управитель,
л. 144 об. говорит сестре своей: Отдай лучше мне, || сестрица, эти тридцать рублей, чтобы с моими пятидесятью помогли они бедному Якову. Как сказано, так и сделано. Феона обнимает их обеих. — Мне осталось только завидовать доброму делу и подражать вашему примеру.

Рукописные беловики, с ударениями. Государственный архив Российской Федерации, ф. 728, Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, ед. хр. 1366.

л. 317

ПОСЛЕ ОБЕДА

Только что отобедали. Феона сидела в гостиной перед столиком, оканчивала письмо. Еглея смотрела новые аглинские эстампы, Зилия разбирала ноты у клавесин. Вдруг входит лакей и сказывает, что один молодой человек приехал. Двери отворяются. Феона видит племянника своего, Господина Алетова, который был четыре года в Англии, и только что возвратился из чужих краев.

Феона

Давно ли здесь?

Алетов

Две недели в России и вчера ввечеру в вашем соседстве. Наполнен нетерпеливости вас видеть, я не хотел терять времени
л. 317 об. на переписку и вздумал || уведомить вас изустно о моем приезде.

Феона

Ничего не может быть для меня приятнее. — Дети! Вот Господин Алетов, о котором я вам так часто говаривала. — Вы их не можете узнать теперь. Тогда они были дети. — Теперь большие дети.

Алетов

Извините меня, но я не вижу более детей

Феона

Я надеюсь, что вы отложите церемонии, когда познакомитесь более Моя Еглея чистосердечна и может принять учтивства ваши за истину — Довольны ли вы вашим путешествием?

Алетов

Чрезвычайно Я имел случай в Лондоне || удивляться великолепию и вкусу, искусствам и знаниям, а в провинциях домашнему благополучию сельских жителей Я учился хозяйству у их приказчиков, как наукам у их ученых *л 318*

Феона

И вы хотите жить с нами, в деревне?

Алетов

Это мое намерение

Феона

Простите мою нескромность, но я с трудом могу поверить, чобы наши деревенские избы, наши овцы и коровы могли удержать вас долго от веселий московских и петербургских

Алетов

О! вы увидите, тетушка Я не требую, чтобы мне верили наперед, но мне бы хотелось нарочно удариться об || заклад, ежели бы я уверен был, что вы не будете попрекать мне подражанием Агличанам *л 318 об*

[ОБЩЕСТВО ФЕОНЫ] *л 39*

Я не знаю ничего приятнее ужина, где царствует благопристойная веселость и где хозяйка позволяет гостям своим всю свободу, которой благовоспитанные люди не могут никогда во зло употребить

Шутки, острые слова, тонкие ответы, сказочки, были и небылицы обращаются с невероятною скоростью по всему кругу, который составляет общество Я хотел бы иметь дарование этих скорописцев, которые записывали, сказывают, в Римском сенате все, что ни говорили красноречивейшие члены его Но по несчастью, когда я имею удовольствие ужинать у Феоны, || я так занят всем тем, что кругом меня происходит, что не имею *л 39 об*

времени вынуть из кармана записной книжки и карандаша, хотя я и уверен, что она простила бы мне сама и именем гостей своих эту странность, извинительную только в Рихардсоновых романах, записывать что говорят другие

Но, правду сказать, труд мой был бы бесконечен, затем что в нашем обществе один день не похож на другой Ничто не исключено из разговоров наших и особы, которые составляют обыкновенную нашу беседу, так различны между собою нра-
л 40 вами, упражнениями, || мнениями своими, что они бы не могли нигде инде ужиться друг с другом, как в доме Феоны Такова прелесть обхождения ее, что она умеет соглашать вещи самые противные Приятною улыбкою своею сгоняет она морщины со лба советника, который, кажется, не растворяет иначе рта, как для того, чтобы произнести приговор Благородною важностью взоров своих и поступков она приводит в состояние самого ветреного щеголя говорить полчаса дело Воин, приказ-
л 40 об ной, купец, || ученый, невежа, охотник, игрок, все выходят из присутствия ее довольны сами собою и еще более в том согласны между собою, что Феона превосходит их столько качествами разума и сердца, сколько старается сравняться с каждым ласкою и снисхождением

Владеть приятностью, это ее таинство Однако она не столько скупа, чтобы скрывать его Еглея и Зилия украли большую часть его и Феона ничего не потеряла этою кражею

л 58

[ОСЕНЬ]

Погода очень худа, говорила Феона, посмотрите, какой ветер и дождь отложим наше гулянье до другого времени и останемся дома Неужто мы не можем заняться чем-нибудь приятным, не выходя из покоев? Мы имеем работу, книги, музыку, общество

Господа Осанов и Алетов были тогда в гостях у Феоны еще несколько других соседей Предложение хозяйки принято единодушно, и кареты, которые подвезены были к крыльцу, отпущены назад в конюшню Прохаживаясь по комнатам, нечув-
л 58 об ствительно все общество нашлось в библи || отеке Феона приказала принести туда чай, который хотела сама разливать гостям своим

Между тем каждый схватил первую книгу, которая попалась ему в руки Феона имела их множество, и превосходных Иной, сидя в креслах важным образом, углублен был в чтении философической книги, другой пробегал глазами легкие произведения веселости и остроумия Можно было угадать содержание книги по насмешливому и довольному виду чтеца Еглее попа-
л 59 лась неподражаемая поэма || Томсонова «Годовые времена» и черты лица ее одушевлены были нежнейшею чувствительностью Зилия имела перед собою на круглом столе пребольшое

Путешествие в Южное море [8] и разбирала эстампы, представляющие виды островов и хижины и обычаи диких

Сие внимание читающих производило общее молчание, как вдруг Феона дала знак Алетову сесть к клавесинам и удивить их приятным образом какою-нибудь песенкою. Алетов тотчас послушался и, препро || вождая голос свой на клавесинах, пел *59 об*
следующую песню, которую он недавно перевел с аглинского

В спокойствии природы
Луны приятен свет,
Когда молчат погоды
И туч на небе нет.

Теперь утихли страсти,
Движение людей,
Душа не знает власти,
Окроме что своей.

Приди, в сии явленья
Со мной перенесись,
Емилий! размышленья
Мгновением насладись.

Черновики. Российская национальная библиотека, ф. 499, М. Н. Муравьев, ед. хр. 29.

/АЛЕТОВ/ *л. 38 об.*

У Феоны были гости Госпожа Осанова с дочерью, Г. Тополов с маленьким его сыном, Господин Алетов, молодой человек, который тогда только что приехал из чужих краев. Он видел деревню в первый раз. Он был умен, хорош, немножко ветрен, но, впрочем, очень доброе сердце. Он не говорил худо ни о ком, не желал зла никому: напротив того, он делал добро столько, сколько мог, а часто и больше, нежели мог.

Il savait la musique, il dansait fort bien, et dessinait [?] passablement. Sa conversation était très amusante. Il savait une quantité de petites historiettes fort jolies qu'il racontait agréablement || et n'était jamais aussi gai, que lorsque il fesait *л. 39*
rire les autres... Mais il n'entendrait rien dans son ménage. Il avait un intendant qui faisait tout pour lui.

Thêone le grondait bien souvent: Ты один совсем разоришься, lui disait elle. [9] Ты ни о чем не думаешь, живешь в деревне и

---

[8] Довольно распространенное заглавие книг о путешествиях в Тихий океан и в Австралию. Ср. например: *Bligh W.* A Voyage to the South Sea, Undertaken by Command of His Majesty, for the Purpose of Conveying the Breadfruit to the West Indies, in His Majesty's Ship The Bounty... London, 1792.

[9] Он знал музыку, танцевал очень хорошо и неплохо рисовал. Его беседа была очень забавной. Он знал много маленьких анекдотов, очень хороших, рассказывал их приятно и никогда не был таким веселым, как в тех случаях, когда заставлял других засмеяться. Но он ничего не понимал в своем хозяйстве. У него был управитель, который все делал для него. Феона очень часто бранила его <...> говорила она ему (*фр.*).

не знаешь, что надобно делать господину. — Простите мне, Сударыня, я знаю счастье, которое я имею быть вашим соседом. Каждый день я вас вижу, я вас слушаю и каждый день выучиваю что-нибудь в обществе вашем. — Я вам очень обязана
л. 62 об. за вашу учтивость. Однако это || не мешает, чтобы соседка ваша не напоминала вам беспрестанно, чтобы вы думали о делах ваших. Вы очень любезны, но этого и довольно. Вы дворянин, вы имеете крестьян, которыми вы должны управлять. Вам надобны деньги, чтобы жить в городе, при дворе или в армии. Но деньги не приходят сами собою. Надобно немножко экономии. — Разве надобно запереться со своим управителем, считая доходы свои, или ходить по полям? Я люблю лучше разбирать прекрасные ноты, которые я получил из Петербурга, или оканчивать картину, в которой я нарисовал прекрасный дом ваш, маленький ваш садик и высокий берег Волги. Как сходно! А вы сами перестанете бранить меня, когда увидите картину. Все засмеялись. ||
л. 63 И на самом деле Феона не имела сердца бранить Алетова, который тотчас сел за клавесины и зачал играть и петь итальянскую арию.

л. 20 *Продолжение*

Г. Тополов

Ария очень хороша. Позвольте спросить мне, чья она, кто сочинитель?

Г. Алетов

Паизиелло. Это из последней его оперы

Г-жа Осанова

Паизиелло! Мой учитель. Он бывал у нас каждый день в Петербурге. [10] Я не могу вспомнить его уроков без особливого удовольствия. Какой любезный человек кроме дарования его! Какой веселый! Как жаль, что он не остался в России!

Г. Алетов

Ему теперь очень хорошо в Неаполе. Король его жалует, все его любят. Сочинения его нравятся обществу. Чего ж ему желать более, когда он все это находит в своем отечестве? В прекрасном климате, и в таком большом городе, как Неаполь. ||

[10] Знаменитый итальянский композитор Джованни Паизиелло (1740—1816) жил в Петербурге с 1776 по 1783 г. в качестве придворного капельмейстера и директора итальянской оперы.

Феона *л. 20 об.*

Особливо в отечестве. Я с вами совершенно согласна. Не помните эти прекрасные стихи Бернисовы: нигде солнце не сияет так ясно, нигде нет такого чистого воздуха, такой прозрачной воды, [11] как в том месте, где мы увидели свет.

Алетов

А я на это скажу вам, Сударыня, отечество в тех местах, где сердце заключено.

Еглея

Так мое отечество, маменька, везде, где вы.

Зилия

А мое, где вы и где сестрица.

Алетов

Я боюсь, чтобы и мое не было назначено здесь, нет ничего, что я [?] обещал моему майору приехать к новому году в Петербург.

Топ[олов]

Не прогневайтесь, я не нахожу в этом своего счету. Вы не
позабыли, || я думаю, что вы обещали мне взять сына моего *л. 21*
с собой по первому пути. Может быть, ему достанется в офицеры.

[Алетов]

Thêone fait des miracles, elle me fait aimer la campagne à moi. [12]

Рукописный беловик, с ударениями. Государственный архив Российской Федерации, ф. 728, Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца, оп. 1, ед. хр. 1366.

[БЕЗ ЗАГЛАВИЯ] *л. 311*

Итак, вы думаете, говорила Феона Госпоже Осановой, продолжая разговор, который имели за обедом, что мне бывает скучно в деревне! Правда, у нас нет ваших балов, зрелищ, роскоши, но мы имеем здоровье, спокойствие, простоту жизни

---

[11] Было: «воздух не имеет такой чистоты, вода прозрачности».
[12] Феона творит чудеса. Она заставляет меня любить деревню (*фр.*).

и нравов Мы не знаем ни тщеславия, ни зависти Честолюбие наше имеет в виду своем другие предметы Мы хотим остаться достойными почтения в собственных глазах наших и во мнении наших добрых соседей ||

л 311 об Сельские труды доставляют нам приятное упражнение Мы соединяем пользу нашу с пользою общества Сохрани меня Боже! чтобы корыстолюбие и подлая скупость приближились к сердцу моему Но когда я возвращаюсь с полей моих при захождении солнца, я не могу воспротивиться некоторому чувствованию благородной гордости и не подумать, что я участвовала к обогащению моего отечества Крестьяне работают охотнее, когда видят помещицу свою, ободряющую их своим присут-
л 312 ством и подвергающуюся той же тягости || солнечного зноя, которой они терпят

— Я очень согласна с вами, — перервала Осанова, — что вы найдете удовольствия в деревне летом Но чем займете вы долгие ночи осени, зиму, которая снегом покрывает любимые поля ваши? Скажем еще более первые дни весны, когда трава еще не смеет показаться и воды шумят потоками? — Чем занять? Госпожа, хозяйка, мать, живучи с людьми, которым вся-
л 312 об кий час может быть полезна, с соседями, || которых дружество ей драгоценно, с детьми, которых она более жизни своей любит (Еглея и Зилия, которые сидели позади кресел ее, преклонились к ней с нежностью и целовали руки ее)

Нет, я уверяю вас, — продолжала Феона, — такой счастливой женщине остается только просить небо удвоить дни ее, чтобы иметь довольно времени для исполнения приятных должностей ее Самые заботы мои и неприятные чувство-
л 313 вания || (как пробыть без них совершенно?) обращаются терпением в удовольствия, затем что причина их не имеет ничего стыдного и что я не могу попрекнуть их сердцу моему Что касается до телесной скорби, то рано в жизни моей поставила я себе за правило сносить ее с терпеливостью

В рассуждении чувствительности я никогда не могла и не хотела ожесточить сердца моего к несчастьям других людей
л 313 об Часто печальные || воспоминания покрывают лицо мое слезами, но есть некоторая сладость плакать, которой я не хотела бы ни из чего лечиться Уверение, что правосудное Провидение управляет светом, наполняет меня надеждою, что непорочное сердце не может быть оставлено несчастьям, которых оно не заслужило Я не знаю, обманывает ли меня самолюбие мое, но я не почитаю себя злою, и спокойствие, первое из благ зем-
л 314 ных, || неразлучно со мною Однако я не примечаю, что так долго занимаю вас собою И вот кстати несут кофе Не изволите ли приблизиться к столику и сами налить себе чашку?